

Чужой среди своих и чужих

Сегодня Юрию Богатыреву исполнилось бы 55 лет

Независимая — 2002 — 2 августа — с. 8.

Екатерина Сальникова

Прошло уже 13 лет со дня смерти Юрия Богатырева, а сегодня ему исполнилось бы только пятьдесят пять. Он принадлежал к поздней плеяде советских актеров, которым не суждено было состариться. Анатолий Солоницын, Владимир Высоцкий, Олег Даль, Андрей Миронов, Александр Кайдановский. Они создали образ героя-индивидуалиста, одиночки, который всегда чужой — и среди своих, и среди чужих. Такие слишком много и самостоятельно думают и чувствуют, а потому никак не могут успокоиться. Их раздрают страсти и бесчувствие, цинизм и отсутствие прагматизма. В целом всё это зовется романтизмом. Он продлевает молодость души, но распятывает психику и ведет к преждевременной изношенности организма.

Утомленность жизненным укладом 70–80-х и неготовность к другой жизни хорошо рифмовались с русской хандрой XIX века. Советскую эпоху завершал центральный образ великого лишнего человека, главное достоинство которого — болезненное чувство несовершенства жизни. Юрий Богатырев тоже сделал немало для развития данного образа, но легко удалялся и за его пределы.

Неудовлетворенность всем и вся являли тогда общее место, понятное с полуслова. Но у Богатырева имелся редкий талант подавать эту неудовлетворенность как оригинальный дивертисмент — вспомнить хотя бы истерическую феерию Клеанта из эфросовского «Тартюфа».

В самой внешности актера жила некая двойственность. Светлые волосы, большой нависший рот, блеские и как бы

Он был органичен в слабости и силе.

выгоревшие ресницы и брови создавали эффект незащитности и простодушия. Но в голосе то и дело проскальзывали металлические ноты. В седле герои Богатырева сидели ладно и даже браво, да и стреляли тоже метко. Слабость и сила боролись в актерском имидже. Слабость оказывалась больше и чаще востребована искусством той эпохи.

Уникальной явилась способность Богатырева выражать прекрасноту. Манилов в фильме Швейцера по «Мертвым душам» был филигранно вылеплен актером с нежностью к персонажу. Невероятно чистый и надежный аристократ Виктор Каренин в мхатовском «Живом трупе» Анатолия Эфроса оказался едва ли не самым живым и органичным героем.

Так что всерьез актуальным стал вопрос: почему Федя Протасов (Александр Калягин) не может жить нормально, а вот Каренин может? Он что, особенный или, наоборот, совсем заурядный?

Для артиста такого уровня казалась нетипичной готовность играть обыкновенных людей и быть «вторым». Но Богатыреву изумительно удавались роли друзей главных героев. От безвольного Войничева из «Неоконченной пьесы для механического пианино» до шалопая Саяпина из «Отпуска в сентябре» по вампиловской «Утиной охоте».

Но главное, Юрий Богатырев умел перевоплощаться в героев внутренне целостных, практичных и действенных. В числе лучших ролей — без хоdulности героичный чекист Егор Шилев из «Свой среди чужих...» и деловитый удачный Штольц в «Нескольких днях из жизни Обломова». Сейчас уже окончательно ясно, что Юрий Богатырев и Олег Табаков сыграли у Никиты Михалкова свои человеческие противоположности «по жизни». И скорее всего Богатыреву в принципе ближе Обломов. Но кто сможет утверждать это, отрешившись от двух актерских судеб и остальных ролей? Юрий Богатырев был редкой личностью и звездой, которая всякий раз без остатка сростается с фактурой и душевным строем своего героя. Иначе Богатырев просто не умел. Если бы он дожил до «Сибирского цирюльника» и сыграл генерала Радлова, как и было задумано, — кто знает, может, главный национальный хит получился бы у Михалкова на порядок тоньше и человечнее. ■